

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.09

УДК 327+34+94

ИСЛАМСКОЕ ПРАВО: РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОВОГО УНИВЕРСАЛИЗМА В ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

АВДЕЕВА Варвара Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, магистратура.

E-mail: avdeeva.varia@yandex.ru

Для цитирования: *Авдеева В.С.* Исламское право: роль европейского правового универсализма в дестабилизации мусульманского мира // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 149–165. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.09.

Аннотация. В проведенном исследовании с точки зрения права проанализирован европейский дискурс в отношении норм ислама в странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Определены характерные черты античной правовой традиции, христианской традиции, а также концепции «гуманизма» и их значение для европейского правового универсализма. Дана оценка релевантности существования исламского международного права. Сделаны выводы о том, что международное право основывается на ценностях и принципах, схожих как для исламского, так и для христианского мира. Вместе с тем существующие различия между двумя религиями подчеркивают необходимость учета региональных особенностей в отношении норм международного права. В противном случае велик риск столкновения двух цивилизаций и дестабилизации обширного пространства исламского мира, что в свою очередь приведет к созданию геополитических проблем на территории всей Евразии.

Ключевые слова: Ближний Восток, Северная Африка, ислам, исламское право, мусульманский мир, европейский принцип универсализации права, международные отношения.

Islamic Law: Role of European Legal Universalism in Destabilizing Muslim World

Varvara S. AVDEEVA

St. Petersburg State University, master's degree.

E-mail: avdeeva.varia@yandex.ru

For citation: Avdeeva V.S. (2023). Islamic Law: Role of European Legal Universalism in Destabilizing Muslim World. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (2), pp. 149–165. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.09.

Abstract. In the study, from the point of view of law, the European discourse regarding the norms of Islam in the countries of the Near and Middle East and North Africa is analyzed. The characteristic features of the ancient legal tradition, the Christian tradition, as well as the concept of “humanism” and their significance for European legal universalism are determined. An assessment of the relevance of the existence of Islamic international law is given. Conclusions are drawn that international law is based on values and principles similar to both the Islamic and the Christian world. At the same time, the existing differences between the two religions emphasize the need to take into account regional specifics in relation to the norms of international law. Otherwise, there is a high risk of a clash of two civilizations and destabilization of the vast expanse of the Islamic world, which in turn will lead to the creation of geopolitical problems throughout Eurasia.

Keywords: Middle East, North Africa, Islam, Islamic law, Muslim world, European principle of law universalization, international relations.

Европейский дискурс о «правах человека» как механизм вмешательства

Осенние протесты в Исламской Республике Иран, спровоцированные смертью задержанной полицией нравов Махсой Амини, еще раз продемонстрировали факт использования риторики «прав человека» для дестабилизации политических режимов Среднего, Ближнего Востока, а также арабских стран Северной Африки. Такая риторика «прав человека» начала активно продвигаться в середине 2000-х годов¹. Например, здесь стоит вспомнить о принятии принципа *responsibility to protect* на Всемирном саммите в 2005 г.

---

¹ Кудряшова Д.А. Влияние Запада на постсоветское пространство: поступательное движение по смене культурного кода // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 113–128. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.07.

Responsibility to protect предполагает перевести защиту населения от геноцида, военных преступлений, этических чисток и преступлений против человечности в разряд обязанностей государств. Более того, в соответствии с документом ответственность государство несет не только перед населением, но и перед мировым сообществом. Согласно п. 139 итогового документа Всемирного саммита меры по обеспечению прав человека могут носить даже превентивный характер: «Мы также намерены взять на себя обязательство, по мере необходимости и уместности, помогать государствам наращивать потенциал для защиты своего населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности и оказывать помощь тем, кто испытывает стресс, до того, как разразятся кризисы и конфликты»².

Принцип вмешательства в дела суверенных государств на основании нарушения прав человека не просто активно обсуждался, ряд стран также пытался использовать концепцию в качестве формального повода для проведения интервенций. Ярким примером служат события «арабской весны»³.

Также принципу responsibility to protect следовали страны Североатлантического альянса при проведении операции на территории Ливии. Согласно п. 4 Резолюции 1973 (2011), принятой Советом Безопасности 17 марта 2011 г., государства-члены «которые уведомили Генерального секретаря, действуя самостоятельно или через региональные организации или соглашения и действуя в сотрудничестве с Генеральным секретарем, принимать все необходимые меры, несмотря на положения пункта 9 Резолюции 1970 (2011), для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения [...]»⁴. Исключение составляло только пребывание на территории страны оккупационных сил. Поражение правительства Муаммара Каддафи и по-

---

² Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года // Декларации ООН. – 2005. – П. 139. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 20.03.2023).

³ Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

⁴ Резолюция № S/RES/1973 (2011) // ООН. – 17.03.2011. – П. 4. – URL: <https://cbr.ru/content/document/file/124008/1973.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

следующая эскалация нестабильности в Ливии стали следствием военной операции НАТО, оправданной указанным принципом, адаптированным в формулировке Резолюции СБ.

Однако «правовая» риторика в отношении исламского мира не ограничивается упомянутыми принципами. Возвращаясь к ситуации, сложившейся в 2022 г. в Исламской Республике Иран, нельзя не заметить значительной роли правозащитных организаций в создании протестных настроений. Здесь стоит упомянуть такие организации как Iran Human Rights (место дислокации – Осло) и Amnesty International. По факту гибели Махсы Амини на площадках ресурсов были опубликованы обвинительные заключения в отношении иранского правительства и действий полиции нравов, хотя результаты официального расследования на момент публикаций отсутствовали. Стоит отметить, что деятельность Iran Human Rights во многом посвящена проблематике прав женщин: причем тезисы о несоблюдении прав часто помещаются в контекст исламской культуры⁵.

В частности, ливийские и сирийские события связаны с риторикой «прав человека» не только на стадии оправдания проведения военных операций, доклады, осуждающие правительства государств в связи с ситуацией с правами человека, публиковались правозащитными организациями и до непосредственных столкновений и военных конфликтов. Например, доклад, критикующий правительство Каддафи в связи соблюдением прав человека еще в 2010 г., опубликовал Государственный Департамент США. Отдельный пункт в докладе отводится правовому положению женщин – в качестве подтверждения тезиса о дискриминации, в том числе, приводится правовая система, основанная на шариате⁶.

В марте 2011 г. европейский сегмент Amnesty International и вовсе обратился к Европейскому союзу фактически с призывом отказаться от диалога с «деспотическими» режимами Северной

---

⁵ Iran Human Rights Infographics // Iran Human Rights. – 2021. – <https://iranhr.net/en/infographics/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶ Libya. 2010 Country Reports on Human Rights Practices // U.S. Department of State. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. – 08.04.2011. – URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/2010/nea/154467.htm> (дата обращения: 20.03.2023).

Африки. Основой отношений, указывается в пресс-релизе, должны стать права человека⁷.

Западноевропейская риторика прав человека приобретает черты правового универсализма, вместе с тем дискредитируя исламскую правовую систему, ставя знак равенства между религиозным фундаментом и реакционностью. Между тем западноевропейская правовая система в неменьшей степени является региональным, культурным феноменом, сформировавшимся в специфической религиозной среде.

Спорность европейского принципа универсализации права

Неизменной терминологической составляющей международно-правовых текстов от судебных заключений Международного суда ООН до конвенций и деклараций являются такие категории как «справедливость» и «гуманизм». Более того, в самом Статуте Международного суда ООН в ст. 38 (2)⁸ закрепляется принцип *ex aequo et bono*. Содержание категории не раскрывается, подразумевая ее самоочевидность. Соизмеримость применения норм международного права римскому принципу «по добру и справедливости» как будто бы прямо указывает на тесную связь самого феномена международного права и философии, если быть точнее, западной философской школы, чьи истоки, согласно довольно общей позиции, берут начало в древнегреческой традиции.

Отсюда следует попытка правовой универсализации, выстраивание норм международного права, исходя из тезиса о тысячелетней теоретической традиции. Общим мотивом западной правовой теории и античной действительно является соотнесенность с категорией «справедливость», однако в контексте древнегреческого прочтения права норма и справедливость сливаются в понятии *nomos*. Для прояснения понятия «номос» можно обратиться к фундаментальной фигуре философской мысли – Аристотелю: в

---

⁷ Don't deal with despotic regimes: EU must learn its lesson // Amnesty International. – 08.03.2011. – URL: <https://www.amnesty.eu/news/0485-0485/> (дата обращения: 20.03.2023).

⁸ Статут Международного суда ООН // Международный суд ООН. – 26.06.1945. – URL: <http://www.un.org/ru/ictj/statut.shtml> (дата обращения: 20.03.2023).

своем произведении «Полития» греческий философ указывает, что достижение справедливого правления и соблюдения меры возможно при ведущей роли *nomos*.

Политическое учение Аристотеля в общем смысле является социально-политической этикой, поскольку государство рассматривается в связи с достижением всеобщего блага, воспитанием граждан. Об этом говорят уже первые строчки сочинения, где прямо указывается, что государство как наиболее совершенная форма общения стремится к высшему из всех благ. Отсюда Аристотель делает вывод, что правильными государствами можно считать только те, чье устройство преследует цели общего блага. В свою очередь, основанием такого государства может выступать только закон-*nomos*⁹.

Показательно, что именно такую трактовку *nomos* использовал немецкий философ и юрист Карл Шмитт как часть геополитической теории. Шмитт вводит концепт *номоса* Земли – соотношения географических характеристик и политической власти¹⁰. Пространственные константы неразрывно связаны с вопросами суверенитета, скорости и характера распространения власти и коммуникаций. Нормативно-правовой аспект трактуется в рамках тесной связи с историей, культурой, географией и традициями. То есть ни конкретное право, ни даже категория «справедливость», существующая в практической области знания¹¹, не является универсальной.

Более того, любая правовая структура, фиксирующая ценностные, этические доминанты конкретного общества всегда связана с его религиозными представлениями. Немецкий историк и философ Освальд Шпенглер пишет об античном праве как форме права, характерной для полиса, поскольку только в условиях полиса можно говорить о личности, «в своей целостности тождественной

---

⁹ Аристотель. Политика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 4 / пер. с греч. А.И. Доватур. – М.: Мысль, 1983. – С. 493.

¹⁰ Шмитт К. Номос Земли в праве народов / пер. с нем. К. Лощевский, Ю. Коринц. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 669 с.

¹¹ Согласно предложенному Аристотелем разделению наук, Политика является практической наукой. Это не умозрительная дисциплина, как метафизика.

телу государства»¹². Права полиса распространяются только на личность, гражданина, далее право разворачивается вниз (образуя вещное право, определяющее положение раба) и вверх (образуя божественное право – это положение персоны, перешедший в разряд героя и обладающей правовыми притязаниями на культ). Примером таких притязаний могут служить римские императоры, возвысившиеся до Divi (стоит вспомнить только императора Доминициана, почитавшего себя как dominus et deus («господин и бог»)).

Из этого следует еще один важнейший вывод. Шпенглер настаивает: античная религия – это полностью государственная религия, а потому вещи и боги находятся в одинаковом упорядоченном правовом положении. В этом отношении интересно обратиться к работе Цицерона «О природе Богов». Религия и справедливость в критической работе философа и политического деятеля, осмысляющей античные верования, трактуется как социальная добродетель, конкретная в своей историчности:

Если же и эти исчезнут, то последует великий переворот всей жизни и великое смятение, и, пожалуй, с исчезновением благочестия к богам не устранился ли также вера и человеческое сообщество, и самая совершенная из всех добродетелей – справедливость?»¹³

Частью античного религиозного мышления является миф, фиксирующий определенное античное переживание времени. Греческое переживание времени сосредоточено в настоящем, оно не исторично в смысле европейского восприятия. Бытие неделимо на части, осуществление добродетели неактуально в будущем, временной добродетели нет. Отсюда известная гнома Гераклита «В одну реку нельзя войти дважды». Всё сосредоточено в одном моменте, будущее и прошлое – в настоящем. Как писал М. Хайдеггер, бытие и время принадлежат друг другу¹⁴. Время рассматри-

---

¹² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – С. 60.

¹³ Цицерон М.Т. О природе богов / пер. с лат. С. Блажеевский. – СПб.: Азбука-Классика, 2002. – 277, [2] с.

¹⁴ Хайдеггер М., Финк Е. Гераклит / пер. с нем. А.П. Шурбелев. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 383 с.

вается вместе с движением космоса и является подобием вечности. Именно так описывает создание времени Демиургом Платон в диалоге «Тимей»¹⁵. Поэтому в Античности отсутствует универсальная правовая система.

Вся античная правовая традиция, независимо от того, относится она к греческому или римскому периоду, устанавливает переходящий характер *nomos*, обусловленный конкретной ситуацией и конкретной *politeia*. Формулы воспроизводятся в римском праве из раза в раз и определенную устойчивость приобретают, поскольку общественная жизнь создает условия для повторения одних и тех же ситуаций (а значит, повторяются и правовые ситуации, ведущие к формированию таких правовых формул). Например, законы Солона и Питтака характеризуются как *politeia νόμος*, т.е., как *nomos*, не мыслящийся вне условий конкретного полиса.

Такое отношение к праву разительно отличается от характерной для европейской традиции систематизации, репрезентативным примером которой служит «Саксонское зеркало». Уже само название сборника Эйке фон Репкова свидетельствует о стремлении систематизировать, «отразить» правовую жизнь саксов. Текст содержит принципы регулирования имущественных, семейных, наследственных отношений, область охвата настолько широка, что здесь содержатся и правила природопользования, разведения животных. «Саксонское зеркало» отличалось своей системностью и универсальностью, сборник был актуален в качестве источника права на протяжении долгого времени. Непосредственно в Саксонии сборник действовал до создания «Саксонского гражданского права», т.е. до 1865 г.

К моменту появления в Западной Европе централизованных институтов власти, и светских, и религиозных, появляются и первые юридические школы (чего опять-таки не было в Античности). И властные институты, и юридические традиции начинают оформляться в период с XII по начало XIII в.¹⁶ Европейские право-

---

¹⁵ Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений: в 3 т. – Т. 3, Ч. 1. – М.: Мысль, 1971. – 622 с.

¹⁶ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998 (англ. 1983). – С. 90.

вые системы и школы развиваются в контексте католической религии и католической традиции.

Христианская традиция отходит от восприятия времени в категориях космоса и вечности. Особое место в рассмотрении этого феномена отдается памяти, индивидуальной душе, переживающей время. Отсюда возникновение не только психологического, но и исторического времени. Сам Ветхий Завет в отличие от античного мифа носит совершенно очевидное историческое измерение. Уже в «Исповеди» Августина мерой времени выступает не космос, а душа. Три времени (прошедшее, настоящее и будущее) существуют в душе, пишет богослов¹⁷.

История, время приобретают эсхатологическое измерение, нацеленность на преобразования, возвращение человека к исходному состоянию райского блаженства.

Новое чувство исторического времени изменило отношение к понятию саециум («эпоха», «век». – Ред.) и вызвало чувство нацеленности на переделку мира. Относительно статичный взгляд на политическое общество заменился более динамичным, появилась забота о будущем общественных институтов. Но пришло время и фундаментальной переоценки истории, время новой ориентации на прошлое наравне с будущим, нового ощущения отношения будущего к прошлому¹⁸.

Все перечисленные факторы привели к возможности существования систематического права, нацеленного на улучшение земного мира.

Вторая категория, на которую необходимо обратить внимание, – гуманизм. Гуманизм является характерной категорией западноевропейской, ренессансной культуры. На смену теоцентризму в итальянских городах-государствах XIV в. приходит антропоцентризм. Деятели эпохи Ренессанса смещают ракурс исследования с Бога на человека, как существо, сотворенное Богом, свободное, обладающее разумом и способностью к созиданию, творческим началом. Яким примером гуманистического учения является учение Пико делла Мирандолы о достоинстве человека.

¹⁷ Августин Аврелий. Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеевко. – М.: Изд-во Сретен. монастыря, 2006. – 316 с.

¹⁸ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998 (англ. 1983). – С. 116–117.

И установил, наконец, лучший творец, чтобы для того, кому не смог дать ничего собственного, стало общим все то, что было присуще отдельным творениям. Тогда принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению[...]»¹⁹.

Контекст, в котором зародился Ренессанс, в котором зародился гуманизм, это контекст торговых итальянских городов-государств, фактически являющихся первыми капиталистическими образованиями (следуя критерию Ф. Броделя, определяющему, что господство капитализма еще на первых этапах его развития оказывается возможным только при условии принадлежности власти финансовой элите, т.е. капитализм всегда сращивается с государственными практиками).

Показательно в этом отношении, что следующим после итальянских городов-государств капиталистическим центром становится Голландия XVII в. Вместе с тем именно Голландия является одним из протестантских центров и именно здесь живет и работает, пожалуй, самый известный теоретик международного права – Гуго Гроций. Действительно, для нас чрезвычайно важны не капиталистические тенденции, а Реформация и протестантская религия, сопровождающие эти тенденции.

Самая известная работа, посвященная теме специфического религиозно-этического контекста, задающего стратегию особого восприятия труда, – это произведение Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Социолог Вебер проводит связь между протестантской религией, капиталистическим типом общества и особой рациональной правовой системой. В частности, Вебер акцентирует внимание на немецком слове *Beruf*, содержащемся в переводе религиозных текстов на немецкий язык и придающем особенное значение поставленной Богом человеку задаче.

Из этого следует, что право и, казалось бы, общечеловеческие категории к которым оно обращается, на самом деле отражают

---

¹⁹ Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: антология: в 2 т. – Т. 1. – М.: Искусство, 1981. – С. 248.

конкретные культурные и религиозно-этические категории общества. Международное право в этом отношении не является исключением – конкретные правовые нормы несут на себе прямой отпечаток религиозного, социального, экономического устройства общества.

Релевантность существования исламского международного права

Наряду с античным и западноевропейским видами права, формировавшимися в особенных культурных, религиозных, социально-экономических контекстах, можно говорить о традиции исламского международного права, формировавшегося в условиях исламской цивилизации. Если в двух уже разобранных нами правовых традициях религия присутствует имплицитно, то для исламского международного права, как следует из названия, религиозный базис эксплицитен. Более того, само именование международного права прочно завязано на исламской традиции, для его обозначения используется термин *Siyar*. Фактически это означает, что каноном исламского международного права выступает *Siyar* – жизнь Пророка.

Вот как определяет *Siyar* Абу Захра, исследователь исламского права, живший в XX в.:

Правила джихада и войны, что в ней разрешено, а что нет, и правила заключения мирных договоров и временных перемирий, а также правила о том, кому следует предоставлять статус иностранца, а кому нет, правила в отношении военной добычи, выкупа и порабощения, а также другие проблемы, возникающие во время войн и их последствий. Короче говоря, он определяет правила международных отношений между мусульманами и другими [общинами] во время мира и войны, хотя большая часть обсуждения посвящена войне²⁰.

Одним из первых деятелей исламского мира, занимавшихся разработкой международного права, был Абу Ханифа (ученый богослов, первый из четырех имамов суннитских школ), живший в VIII в. и многое сделавший для формирования ханафитского маз-

---

²⁰ Abu Zahrah. Introduction to Sharh *Siyar al-Kabir*. – Matbat Cairo University. – 33 p.

хаба (мазхабом в исламе называется богословско-правовая школа). Фактически разработка международного права велась уже на заре исламской цивилизации.

Систематизацией теоретический разработок в области взаимодействия халифата с другими социально-политическими образованиями (в частности правил торговли, войны, дипломатического общения и даже некоторых разработок в области межгосударственных судебных инстанций), которую и принято называть международным правом в исламской традиции, впервые занялся ученик Абу Ханифа – Мухаммад аш-Шайбани. Именно благодаря систематизации, усовершенствованию и более тщательной теоретической разработке Шайбани принципов, норм поведения халифата во внешней политике Siyar получает статус фикха.

Здесь важно отступить от историографического повествования о формировании исламского международного права и обратиться к вопросу структуры исламского права. Работы Шайбани действительно переводят Siyar, исламское международное право, в статут фикха. Сложно встретить единую интерпретацию соотношения двух феноменов в работах по юриспруденции.

Дословный перевод слова «шариат» обозначает правильный путь, предписанный Богом и позволяющий правоверному мусульманину благополучно жить в этом мире, приблизиться к Аллаху и впоследствии попасть в рай²¹. Источниками шариата являются Коран и Сунна. Коран регулирует целый спектр взаимоотношений: это и религиозная практика (молитва, пост), и правила, призванные регулировать повседневные отношения людей (например, торговля), предписания, объединяющие религиозные обычаи и взаимоотношения людей (вопросы вступления в брак). Сунна, в свою очередь, содержит учение и поступки Пророка, которые не записаны в Коране. Собственно, предписания, указанные в Сунне, могут как подтверждать или дополнять нормы, уже записанные в Коране, так и быть собственными принципами.

Можно сказать, что шариат составляет комплекс предписаний, основанных на религиозно-этических догматах ислама. Шариат выступает в качестве универсальной системы социального

---

²¹ Коран / пер. смыслов и коммент.; пер. с араб., комм. Э. Кулиева. – 11-е изд. – М.: Эксмо, 2016. – С. 90.

регулирования. Здесь интересно сравнить правовую структуру капиталистического общества, проникнутого протестантской этикой, где, по М. Веберу, требуется особая системность права и калькуляция:

*К безусловно важным компонентам следует отнести рациональную структуру права и управления. Ибо современный рациональный промышленный капитализм в такой же степени, как в исчисляемых технических средствах производства, нуждается в рационально разработанном праве и управлении на основе твердых формальных правил [...]*²².

В случае исламского права нет подобной точности, внешняя регламентация поведения здесь вторична, на первое место выходят ценностные качества. Поскольку, если мусульманин разделяет догматику и этику ислама, то он не может не соблюдать шариат. А вот как раз конкретизация внешних ограничителей поведения, т.е. фактически адаптация правовых норм шариата в соответствии с актуальными общественно-политическими процессами, ложится на фикх. Можно сказать, что фикх выводит из Корана и Сунны, содержащих предписания этического характера и общие принципы и правила, конкретные правовые нормы. Например, Ибн Хальдун, мусульманский философ и правовед XIV в., трактует фикх и как область знания, и как собрание норм²³.

Фикх, как и мазхаб, невозможен без иджитхада. Или творческой (в смысле активного начала) рефлексии конкретного правоведа относительно адаптации предписаний Корана и Сунны к конкретной ситуации. Стоит отметить, что иджитхадом могут заниматься только авторитетные знатоки религии.

То есть божественное откровение в области регулирования социально-политической жизни не остается косным установлением, иджитхад и фикх предполагают интерпретацию и адаптацию религиозно-этической составляющей под актуальные запросы и историческую специфику.

Если международное право, разрабатываемое Гуго Гроцием, было призвано создать нормы, регулирующие взаимодействие

²² Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдов. – М.: Прогресс, 1990. – С. 54.

²³ Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. – 2020. – Т. 11, № 1 (43). – С. 13–25.

европейских, христианских государств, то Siyar изначально преследует цель установки предписаний в отношении другого культурного пространства (т.е. в отношении немусульманских государств).

Если мы обратимся к работе Мухаммада аш-Шайбани *Kitab al-Siyar*, то увидим, что большинство норм посвящено взаимодействию с немусульманскими государствами, в которых содержатся правила заключения мира, правила обращения с немусульманами (в том числе с рабами), право собственности во время боевых действий и его ограничения²⁴. Однако основным моментом исламского международного права, даже на ранних этапах развития, является уже упомянутое нами признание другого. То есть для исламского мира немусульманское государство является, выражаясь в современных терминах, полноценным субъектом международных отношений.

Собственно, такой подход к оценке другого государства или социально-политического образования позволяет говорить о Siyar именно как о международном праве, а не свODE односторонних предписаний. Во многих древних цивилизациях существовали правила, регулирующие отношения между государствами, однако они были оформлены как максимы.

В исследовательской литературе нередко сопоставляют разработку права войны с достижениями в этой области Гуго Гроция²⁵. Это касается и стремления со стороны правоведов придать войне человечности (насколько это возможно), обосновать возможность ведения войны, исходя из принципа самообороны и т.д.

Международное право, будь то кодифицированный аш-Шайбани Siyar или теоретические штудии Гуго Гроция, зиждется примерно на одних и тех же принципах в предписании правил ведения войны: милосердия, справедливости, безусловной ценности человеческой жизни, характерных для обеих религий.

---

²⁴ Al-Shaybani, Muhammad ibn al-Hasan. The Shorter Book on Muslim international Law // English Translation of *Kitab al-Siyar al-Saghir* by Mahmood Ahmad Ghazi. – Pakistan: Islamic Research Institute, 1998. – 113 p.

²⁵ Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с латин. А.Л. Саккетти. – [Репринт с изд. 1956 г.]. – М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. – 867 с.

Однако ислам и христианство (в особенности протестантского толка, которое и стало контекстом появления современного европейского международного права) отнюдь не идентичные феномены. По этой причине можно говорить о некоторой специфической интерпретации норм, принципов, предписаний международного права. Более того, если протестантизм отходит от традиционализма, то ислам, хоть и предполагает изменения и адаптацию под существующую парадигму, является элементом продуцирования традиционного общества.

* * *

Как уже было указано ранее, термин «гуманизм», является специфической категорией европейской культуры, уже погружающийся в особую религиозную атмосферу реформации и отрывающийся от коллективизма в сторону индивидуализма.

В этом отношении правомерно говорить о региональных особенностях прочтения того или иного международного права (как бы противоречиво это не звучало) и учитывать необходимость приведения в зону «видимости» подобных региональных особенностей. В противном случае непринятие культурных особенностей, религиозной разницы и отсутствие уважения к сложившимся политическим институтам суверенных государств подведет нас к потенциальной геополитической дестабилизации исламского региона, включающего обширные территории Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Что, в свою очередь, может привести к созданию геополитических проблем на территории всей Евразии.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.
2. Августин Аврелий. Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеенко. – М.: Изд-во Сретен. монастыря, 2006. – 316 с.
3. Аристотель. Политика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 4 / пер. с греч. А.И. Доватур. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998 (англ. 1983). – 624 с.
5. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдов. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
6. Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с латин. А.Л. Саккетти. – [Репринт с изд. 1956 г.]. – М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. – 867 с.
7. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года // Декларации ООН. – 2005. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 20.03.2023).
8. Коран / пер. смыслов и коммент.; пер. с араб., комм. Э. Кулиева. – 11-е изд. – М.: Эксмо, 2016. – 816 с.
9. Кудряшова Д.А. Влияние Запада на постсоветское пространство: поступательное движение по смене культурного кода // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 113–128. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.07.
10. Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. – 2020. – Т. 11, № 1 (43). – С. 13–25.
11. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: антология: в 2 т. – Т. 1. – М.: Искусство, 1981. – С. 248–265.
12. Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений: в 3 т. – Т. 3, Ч. 1. – М.: Мысль, 1971. – 622 с.
13. Резолюция № S/RES/1973 (2011) // ООН. – 17.03.2011. – URL: <https://cbr.ru/content/document/file/124008/1973.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).
14. Статут Международного суда ООН // Международный суд ООН. – 26.06.1945. – URL: <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 20.03.2023).
15. Хайдеггер М., Финк Е. Гераклит / пер. с нем. А.П. Шурбелев. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 383 с.
16. Цицерон М.Т. О природе богов / пер. с лат. С. Блажеевский. – СПб.: Азбука-Классика, 2002. – 277, [2] с.
17. Шмитт К. Номос Земли в праве народов / пер. с нем. К. Лощевский, Ю. Коринц. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 669 с.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
19. Abu Zahrah. Introduction to Sharh Siyar al-Kabir. – Matbat Cairo University. – 33 p.

20. Al-Shaybani, Muhammad ibn al-Hasan. The Shorter Book on Muslim international Law // English Translation of Kitab al-Siyar al-Saghir by Mahmood Ahmad Ghazi. – Pakistan: Islamic Research Institute, 1998. – 113 p.
21. Don't deal with despotic regimes: EU must learn its lesson // Amnesty International. – 08.03.2011. – URL: <https://www.amnesty.eu/news/0485-0485/> (дата обращения: 20.03.2023).
22. Iran Human Rights Infographics // Iran Human Rights. – 2021. – <https://iranhr.net/en/infographics/> (дата обращения: 20.03.2023).
23. Libya. 2010 Country Reports on Human Rights Practices // U.S. Department of State. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. – 08.04.2011. – URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/2010/nea/154467.htm> (дата обращения: 20.03.2023).